

БЛИЖНИЙ ВОСТОК: ПОМОГУТ ЛИ АМЕРИКЕ ПРОВЕРЕННЫЕ РЕЦЕПТЫ КИССИНДЖЕРА?

Дата: 26.10.2021 Автор: Михаил Лавров

Рубрика: [Ближний Восток](#)

Американский журнал Foreign Affairs опубликовал статью специалиста по ближневосточным делам Мартина Индика (Martin Indyk), посвященную анализу текущей ситуации на Ближнем Востоке: «Порядок прежде мира. Ближневосточная дипломатия Киссинджера и ее уроки для сегодняшнего дня» (Order Before Peace. Kissinger's Middle East Diplomacy and Its Lessons for Today). Думается, этот материал представляет особенный интерес,

поскольку написан он с позиций, заложенных патриархом американской внешней политики.

Вряд ли есть необходимость подробного описания того, что представляет собой внешнеполитическая школа Киссинджера. Достаточно сказать, что она основана на принципах «реальной политики» и была в ходу в эпоху Холодной войны. В отличие от «мессианского романтизма», который определял глобальную стратегию США после распада СССР (сам Киссинджер описывал этот романтизм как «стремление к бессмертию»), «реальная политика» оперирует не «ценностями», а «интересами» и «потенциалами». Ключевым же понятием для нее является «баланс» - баланс сил (потенциалов) и баланс интересов.

Поскольку сегодня можно наблюдать явный кризис «мессианского» курса внешней политики Вашингтона, поиски альтернатив ему совершенно логичны. И вполне вероятно, что на смену ему придет именно «реализм» Киссинджера - точно так же, как на смену романтическому «концу истории» пришла новая Холодная война.

Не вдаваясь в подробное изложение статьи М.Индики, которая построена на множестве отсылок к событиям второй половины XX века на Ближнем Востоке, обратим внимание на один из ее центральных тезисов, а именно - на рассуждения Киссинджера об Иране и о том, как США следовало бы выстраивать отношения с ним.

Вот полная цитата:

Киссинджер «не выступает за свержение режима. Скорее, он будет стремиться убедить Иран отказаться от попыток экспорта революции и вместо этого вернуться к более государственному поведению. Вашингтону же следует стремиться к новому равновесию, в котором революционные импульсы Ирана сдерживаются и уравниваются альянсом суннитских государств, сотрудничающих с Израилем и Соединенными Штатами. При этом Киссинджер полагает, что, как только Иран начнет играть по правилам, Соединенным Штатам необходимо действовать в качестве балансира; США должны быть ближе к каждой из противоборствующих сторон, нежели они между собой. Преследуя свои собственные стратегические цели, - говорит Киссинджер, - Соединенные Штаты могут быть решающим фактором - возможно, важнейшим фактором - в определении того, пойдет ли Иран по пути революционного ислама или по пути великой нации, по праву занимающей важное место в Вестфальской системе государств».

Что обращает на себя внимание в этом пассаже?

Во-первых, отсутствие упоминания об иранской ядерной программе. Ее просто нет! Вместо нее – «попытки экспорта революции».

Во-вторых, наличие «союза суннитских государств», которые должны сотрудничать с Израилем (и США).

В-третьих, выстраиваемая последовательность: союз суннитов с Израилем, что обеспечивает сдерживание «революционных импульсов» Ирана, который, в свою очередь, возвращается к «более государственному поведению» и «по праву занимает важное место в системе».

Давайте разбираться. Почему тут нет иранской ядерной программы? Ведь борьба с ней была в центре всей американской ближневосточной политики на протяжении чуть ли не тридцати последних лет, начиная с администрации Билла Клинтона. И вдруг сейчас Киссинджер не говорит о ней ни слова. А, казалось бы, должен был, хотя бы потому, что наличие атомного оружия – это важнейший, если не определяющий элемент ключевого понятия его теории – баланса сил. Так в чем же дело?

Возьмем на себя смелость утверждать: дело в том, что наличие у Ирана ракетно-ядерного оружия входит в расчеты Киссинджера, как это было еще в начале 70-х годов прошлого столетия, когда сам Киссинджер всю выстраивал балансы сил в регионе. Именно тогда шахский Иран рассматривался Вашингтоном как ближайший – наряду с Израилем – союзник в противостоянии и СССР, и арабам. И именно тогда была начата реализация программы, в рамках которой в Израиле создавалась атомная боеголовка, а в Иране – ракета-носитель.

Вот, что сказано об этом периоде в рассматриваемой статье: «Когда Киссинджер пришел в Белый дом в качестве советника Никсона по национальной безопасности в 1969 году, Насер олицетворял собой образ революционера, стремящегося разрушить существующий ближневосточный порядок подобно тому, как Наполеон бросил вызов европейскому порядку в начале девятнадцатого века. Разыгрывая партию с Насером, пользовавшимся поддержкой Советского Союза, Киссинджер отказался от идеи смены режима (эту цель преследовала политика Франции и Соединенного Королевства во время Суэцкого кризиса 1956 года; она окончилась их катастрофическим поражением). Вместо этого он стремился сдержать Насера, поддерживая баланс сил в пользу региональных защитников статус-кво: Израиль в центре Ближнего Востока и Иран и Саудовская Аравия в Персидском заливе».

То есть уже тогда Иран и Израиль рассматривались главным вашингтонским стратегом в качестве «защитников статус-кво», обеспечивая своим силовым потенциалом противодействие усилиям арабов (в лице египетского лидера Гамалы Абдель Насера) добиться реальной независимости (с опорой на Москву), перестать быть объектами политики Запада и обрести, наконец, субъектность в собственном регионе. Упоминание в этом уравнении Саудовской Аравии не должно никого обмануть: это арабское королевство не было (и до сих пор не является) выразителем или представителем коренных арабских интересов. Эр-Рияд должен был просто финансировать затеи Киссинджера. (Заметим попутно: как-то так совпало, что в 1974 году разразился первый мировой нефтяной – или энергетический – кризис, положивший начало росту баснословных богатств дома Саудов и их близкого союза с американской элитой.)

Планы Генри Киссинджера по созданию ирано-израильского союза и вооружению двух «хранителей статус-кво» ракетно-ядерным оружием в ту эпоху были сорваны исламской революцией в Иране. Но без последствий они не остались. Иранские военные и инженеры – участники проекта бежали в Израиль, и там вскоре появились ракеты «Иерихон», способные нести ядерные боеголовки.

Что касается Исламской республики, то она оказалась не в состоянии продолжать реализацию ракетно-ядерной программы. И думается, что причиной были отнюдь не принципиальные различия между внешнеполитическими амбициями шаха и пришедших ему на смену аятолл. И до, и после революции экспансионизм Тегерана остался прежним.

Но он «поменял цвет»: вместо националистического, персидского (то есть неизбежно антиарабского) экспансионизма, он приобрел исламский, мессианский шиитский характер (неизбежно антиизраильский).

Это обстоятельство заставило США и Израиль сделать все, чтобы остановить иранскую ракетно-ядерную программу. И на десятилетие они ее затормозили, спровоцировав ирано-иракскую войну. Однако, едва она завершилась, Тегеран вернулся к этой теме, которая стала весьма актуальной на рубеже 80-х – 90-х годов. То была пора, когда работу над собственным отнюдь не мирным атомом вели Индия, Пакистан, Северная Корея, ЮАР... И ИРИ не могла остаться в стороне.

Что происходило после этого, напоминает «санта-барбару»: двадцать с лишним лет Америка возглавляла международные усилия, направленные на то, чтобы не позволить Ирану обзавестись ракетно-ядерным оружием. Были санкции всех видов, похищения и убийства, провокации, даже «сделка»... И единственным итогом стала почти всеобщая убежденность в том, что Иран

в любой момент может сделать свою атомную бомбу – если еще не сделал ее. Что до ракет-носителей, то они у него есть на любой вкус, на любой вид боеголовки...

Итак, Иран, как ракетно-ядерная держава, практически состоялся. И Киссинджер – последовательный реалист – об этом даже не говорит; это для него – свершившийся и само собой разумеющийся факт. Проблема не в иранской бомбе, а в том, что Иран по-прежнему остается источником «революционных импульсов». Соответственно, задача реальной политики состоит не в том, чтобы «запретить» Тегерану иметь свою бомбу, а в том, чтобы убедить его отказаться от «попыток экспорта революции», перейти к «более государственному поведению», а затем – занять принадлежащее ему «по праву» «место в системе».

Как это сделать?

Сперва создать союз суннитских государств, сотрудничающих с Израилем. Эта конструкция должна взять под плотный израильский контроль внешнюю политику арабских государств (прежде всего, нефтяных монархий Персидского залива) с тем, чтобы Тель-Авив получил возможность без помех вести прямые переговоры с Тегераном о совместном контроле над регионом.

Речь, по сути, идет о развитии процесса, начатого год назад заключением т.н. «соглашения Авраама», т.е. «нормализации» отношений между Израилем и ОАЭ, за которыми последовали Бахрейн, Судан, Марокко. Напомним, что Египет и Иордания уже давно «нормализовали» свои связи с Израилем. Так что, по идее, очередь – за Саудовской Аравией, и дело будет в шляпе.

Эр-Рияд пока воздерживается от установления дипотношений с Тель-Авивом. Что, впрочем, не помешало ему обратиться к Израилю с запросом на поставки систем ПРО, когда о выводе из королевства своих «Патриотов» заявил Вашингтон. Это явно говорит о том, что «суннитско-израильский союз» почти готов.

Повторим еще раз: его (союза) задача – убедить арабов Залива в том, что они находятся под американо-израильскими гарантиями безопасности и что поэтому Иран – не их проблема, а проблема Израиля и США; следовательно, вся работа с Тегераном должна быть поручена Тель-Авиву и Вашингтону. Роль арабов же сводится к финансированию всего процесса и к созданию «массовки», которая придаст ему легитимность.

В результате будет расчищено поле для прямых серьезных переговоров «сильного с сильным» - Израиля с Ираном, де-факто двух региональных ядерных держав – под эгидой США. Тем самым будет создана ближневосточная «Вестфальская система государств» - идеал регионального устройства по Киссинджеру. В ее рамках Тель-Авив и Тегеран станут доверенными агентами американцев, поделив между собой сферы влияния и взяв на себя ответственность за стабильность в арабском мире и в Большом Ближнем Востоке в целом.

Возникает законный вопрос: а может ли Иран согласиться на этот сценарий? Ведь за все время существования Исламской республики центром ее политики были непримиримость к Израилю и фронтальное противостояние Америке. Мыслимо ли, чтобы Тегеран поменял свой курс на противоположный, став партнером Тель-Авива и Вашингтона?

Мой ответ – да. Иран может стать партнером своих закадычных врагов (сумел же он стать партнером России) – при условии, что ему гарантируют статус и место в системе, которые будут соответствовать его амбициям. А амбиции эти те же, что были при шахе: обладая ракетно-ядерным оружием, осуществлять контроль над Заливом и Аравийским морем; через Ирак и Сирию получить прямой выход к Средиземному морю и иметь там свои базы; противостоять России на Кавказе, Каспии, в Средней Азии и к югу от них; напрямую участвовать в контроле над Афганистаном. В нынешних условиях все это означает еще и контроль над реализацией китайского суперпроекта «Один пояс, один путь».

По логике Киссинджера выходит, что получить все это Иран может, сменив идеологический вектор – с исламского шиитского мессианства на персидский национализм (именно так следует понимать термин «более государственное поведение», использованный в рассматриваемой статье). Причем, нет необходимости делать это одномоментно в виде революционной смены режима; можно и растянуть процесс, синхронизировав его, например, с оформлением суннитско-израильского союза, что неизбежно займет несколько лет.

Итогом реализации этого плана станет, во-первых, очередное поражение арабов, которые останутся под триумvirатом США, Израиля и Ирана. Во-вторых, на южных рубежах России возникнет недружественная, подконтрольная Вашингтону ракетно-ядерная держава, реализующая экспансионистский курс в отношении жизненно важных для Москвы регионов: Кавказа, Каспия, Средней Азии, Афганистана. В-третьих, резко возрастет нестабильность в системе отношений Ирана с ядерными державами Южной Азии – Пакистаном и Индией. В-четвертых, это способно крайне осложнить проведение Китаем его стратегического курса в Южной

и Юго-Западной Азии.

В целом же ближневосточный план Киссинджера грозит формированием в регионе Большого Ближнего Востока огромной зоны, генерирующей стратегические риски для России и Китая. Не нужно быть провидцем, чтобы предположить, что это обстоятельство будет использоваться Вашингтоном для провоцирования и старательного разжигания российско-китайских противоречий...

Совершенно очевидно, что этот план полностью противоречит той стратегии, которую выстраивает в регионе Россия. Напомним, что Кремль уже много лет продвигает идею создания системы коллективной безопасности в Персидском заливе. Она базируется на принципе совместной ответственности прибрежных государств за стабильность и безопасность в регионе, основой которой должен стать прямой диалог арабских государств и Ирана.

Нельзя не отметить, что российский подход не дает достаточно четких ответов на те вопросы, на которых сосредоточена стратегия Киссинджера, а именно: кто предоставит арабам долгосрочные гарантии безопасности против экспансионизма Ирана (тем более ядерного); каким образом Ирану будут гарантирован статус ведущей региональной державы, к которому он «по праву» стремится.

Думается, что последовательное решение этих двух задач является одним из основных вызовов, с которыми сталкивается российская политика в регионе. На них нужно найти ответы.

И возможность для этого есть, особенно если учитывать три важных изъяна в позиции Киссинджера.

Во-первых, в приведенном выше сценарии выстраивания «Вестфальской системы» на Ближнем Востоке странным образом ни разу не упоминается такой важный и сильный игрок, как Турция. О ней нет ни слова и во всей статье М.Индика.

Спору нет, в эпоху, когда Генри Киссинджер возглавлял американскую внешнюю политику, Турцию как участника ближневосточных раскладов можно было игнорировать. Но сегодня это немыслимо. В наши дни совершенно ясно, что региональная архитектура может строиться не на двух (по Киссинджеру) столпах – Израиле и Иране, а на трех, с непременно участием Турции (еще одной неарабской страны). Без нее никакие конструкции не будут устойчивыми, включая и пресловутый

суннитско-израильский союз, который не станет полным и эффективным без участия Катара – ближайшего партнера Анкары в Заливе.

Точно так же без участия Турции немислимы какие-либо договоренности о разделе сфер влияния в регионе: турки обзавелись таковыми в Сирии и Ираке, и в обоих случаях они находятся в прямом соприкосновении с иранцами. Без сомнения, между Анкарой и Тегераном идет диалог по Кавказу, на очереди – выстраивание диалога и взаимодействия на афганском и пакистанском направлениях.

И тот факт, что в системе Киссинджера не нашлось места Турции, может говорить о том, что система эта попросту устарела. Его лекала полувековой давности не подходят к современности.

Но если добавить в них турецкий фактор, то возникнет возможность конкуренции между Анкарой и Тель-Авивом за право быть партнером Тегерана. Действительно, тот, кто сумеет «приручить» персидский экспансионизм, получит доверие арабов и лидирующие позиции в регионе. И вряд ли турки считают себя не в состоянии добиться этого, тем более что они могут опираться на Россию, создавшую трехсторонний формат Москва-Анкара-Тегеран.

Этот формат является поистине бесценным завоеванием российской внешней политики и его сохранение и развитие – залог успешной региональной стратегии, способной сорвать планы возникновения на наших южных рубежах проамериканской ядерной державы. При этом хотелось бы подчеркнуть: России ни в коем случае не следует допускать своего исключения из этого формата. Если Иран и Турция попытаются наладить двусторонний диалог, очень быстро обнаружится, что без сильного посредника им не обойтись, и это место, которое сегодня занимает Россия, будет занято либо Америкой, либо Китаем, либо Британией. В любом из этих случаев это будет означать проигрыш Москвы.

Второй недостаток ближневосточной схемы, описанной М.Индиком: отсутствие китайского фактора. В 70-х годах прошлого века Китая на Ближнем Востоке не было. Сегодня же он стал неотъемлемой частью, как минимум, регионального экономического ландшафта и последовательно наращивает свое политическое влияния здесь. Да и военный потенциал Поднебесной нельзя игнорировать: военно-морские базы в Джибути и в пакистанском Гвадаре, оружейные контракты с Саудовской Аравией и ОАЭ, наконец, блестящая операция ВМС по эвакуации китайских специалистов из Йемена в 2015 году, - все это убеждает в том, что роль Пекина на Ближнем Востоке игнорировать уже невозможно.

Россия, как показывает ход событий, Китай игнорировать не собирается. Москва и Пекин на регулярной основе согласовывают свои действия в регионе; это касается и Сирии, и Афганистана, и других точек.

Вне всякого сомнения, такое согласование необходимо и по Ирану, уверенное партнерство с которым стратегически необходимо и России, и Китаю. На этой почве теоретически между ними может возникнуть конкуренция. Причем вероятность такого развития событий будет велика в случае, если Москва допустит ошибку и позволит возникнуть оси Анкара-Тегеран. Однако в целом представляется, что характер российско-китайских отношений на этом конкретном направлении вряд ли будет отличным от общего их состояния; это означает, что в обозримом будущем тесное конструктивное партнерство и сотрудничество сохранится.

И третья «лакуна» в рассуждениях Киссинджера: отсутствие Британии.

Вообще фактор возвращения Лондона на мировую арену в качестве строителя новой, Глобальной Британии заслуживает отдельного обстоятельного рассмотрения. Здесь же отметим, что на роль «балансира», стоящего «ближе к каждой из противоборствующих сторон, нежели они между собой», современная Британия подходит куда больше, нежели современная Америка. И если в картинке, нарисованной Киссинджером, США заменить на Британию, ситуация сольно изменится.

Дело в том, что наследие, оставленное администрацией Дональда Трампа в купе с действиями его сменщика Джо Байдена, безвозвратно испортили имидж США в глазах региональных игроков. Сегодня американцам не верят ни в арабских столицах, ни в Анкаре. Конечно, Тегеран и Тель-Авив могут с интересом воспринимать посулы Киссинджера, обещающие им раздел региона «на двоих» под американские гарантии, но этого слишком мало.

Проблема заключается в том, что Киссинджер описывает баланс сил и интересов на Ближнем Востоке крайне простой формулой, в которой учитываются только два сильнейших игрока: Иран и Израиль. Все остальное становится функцией от них.

На деле же баланс сил в регионе – исключительно многофакторная формула с огромным множеством переменных; она складывалась в течение тысячелетий и упростить ее невозможно. Она очень неустойчива, и чтобы управлять ею, нужно уметь очень чутко чувствовать ее пульс, быстро и адекватно реагировать. Американцы к этому не способны. Они слишком неповоротливы, слишком плохо образованы и не имеют опыта имперского управления. А британцы его имеют.

У них за плечами целая эпоха управления всем или почти всем Большим Ближним Востоком. Она закончилась (вернее, прервалась на время) в начале 1970-х годов, когда стали независимыми государствами ОАЭ, Бахрейн, Катар. На следующие полвека регион попал под гегемонию США.

Сегодня же мы, возможно, являемся свидетелями обратного процесса: Америка уходит (и президент Байден это подтвердил), а Британия возвращается. Она сохранила связи во всех странах региона: и в арабском мире, и в Турции, и в Иране, и в Израиле. Она сохранила базы военного присутствия (в Катаре, Омане, Бахрейне) и имеет широкие возможности для развития военно-технического сотрудничества с любым государством региона. Везде она вырастила лояльные к Лондону группы элиты.

Правда, в отличие от Вашингтона, Лондон не в состоянии направлять экспедиционные войска в любую точку региона в любой момент. Но это вряд ли входит в его планы. Он предпочитает действовать более интеллектуальными методами, управляя конфликтами между региональными игроками, а не стремясь погасить эти конфликты и подарить региону «вечный мир». Именно для такого управления британцам и нужно доскональное знание всех деталей и нюансов региональных балансов сил и интересов. И они не замедлят этим знанием воспользоваться.

Поэтому России было бы правильно исходить из того, что по-настоящему содержательный диалог по вопросам Ближнего Востока отныне нужно вести не только (а со временем – и не столько) с Америкой, но – с Британией. Ибо Лондон начинает новую, Глобальную Большую Игру. И она будет посложнее реализма Генри Киссинджера.